

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619

Научная статья

Политические настроения молодежи: лояльность или протест?

О.В. Попова, О.В. Лагутин

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская набережная, 7-9, Санкт-Петербург, Россия, 199034

Аннотация. В статье проанализированы результаты исследования массового политического сознания молодежи, проведенного весной 2019 г. в четырех регионах Российской Федерации: Алтайском крае, Ленинградской и Новосибирской областях, Санкт-Петербурге. Анализ позволил выделить группы молодежи, существенно различающиеся по своим установкам в отношении потенциальной политической активности и реально используемым ими способам реализации интересов своей социально-демографической группы, а также доверия политическим и социальным институтам. Молодежь дифференцируется на 8 групп по доминирующему типу политического поведения и на 4 группы, принципиально различающиеся по уровню институционального доверия.

Ключевые слова: молодежь; доверие социальным институтам и институтам власти, методы защиты своих интересов, политическое поведение, политическая лояльность, политический протест.

Введение. Параметры и методы эмпирического исследования

Обеспечение в краткосрочной и среднесрочной перспективах политической лояльности больших, обладающих значительными ресурсами или потенциалом влияния на ситуацию в стране социальных групп является актуальной задачей политической элиты любой страны. Молодежь в этом отношении является важной стратегической мишенью. Политическая элита России прилагает значительные усилия, чтобы создать в глазах поколения миллениалов образ ответ-

© Попова О.В., Лагутин О.В., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ственной, настроенной конструктивно к запросам населения силы, готовой к преобразованиям и развитию политической конкуренции.

Политическая лояльность традиционно определяется как приверженность индивида или группы целям, нормам, ценностям, идеологиям, предлагаемым социуму политическими институтами, элитой и лидерами общественного мнения [1]. Эта характеристика массового политического сознания может быть подлинной и отражаться в определенном, легитимизирующем идеологию и политический курс акторов образе мыслей и действиях людей, но может быть и формальной, внешней, связанной только с вербальным выражением поддержки. Попытки использования в научной литературе таких терминов, как «формальная верность» или «благожелательная нейтральность», предполагают акцент на ситуациях, когда граждане относятся к политическим акторам весьма целерационально, воспринимая их лишь как средства реализации своих интересов. В политической практике подобные ситуации предельно редки; скорее, граждане становятся объектами воздействия политических институтов и политического класса. Следует различать демонстративную и скрытую политическую лояльность/нелояльность. Политическая лояльность/нелояльность социальных групп может быть как следствием реакции на действия властей, так и особенностью политической субкультуры [2]. Политическая лояльность включает и целерациональный (осознанное приятие/неприятие действий властей на основе учета экономических и политических последствий), и эмоциональный (эмпатия, симпатия/антипатия, чувство преданности/отчуждение) компоненты.

Необходимо учитывать степени политической лояльности. На наш взгляд, речь может идти о следующих пяти степенях лояльности:

1) почти полное принятие действий политического класса, его поддержка и готовность участвовать в его проектах;

2) частичная лояльность, когда при критических оценках отдельных аспектов политического курса большинство населения в целом настроено достаточно позитивно;

3) равнодушие, индифферентность по поводу ситуации в стране и действий политиков, когда население концентрируется на решении своих проблем или наивно полагает, что их жизнь не зависит от политики;

4) умеренная нелояльность, отражающая недовольство существующим режимом, действиями властей, политической элитой определенных социальных слоев, которая ограничивается в основном негативными высказываниями онлайн и офлайн по поводу политического курса, репостами и лайками критических материалов в интернет-пространстве, отказом от участия в голосовании или голосованием по протестной модели, поддержкой отдельных акций системной или несистемной оппозиции; при этом недовольные граждане чаще всего остаются в рамках правового поля, не нарушая действующее законодательство;

5) проявленная политическая нелояльность вследствие серьезного недовольства населения ситуацией, когда могут возникнуть риски дестабилизации политического режима и даже его смены.

В основе лояльности в силу ограниченности у многих людей информации о целях и реальных последствиях реализации тех или иных политических программ, нежелания или неспособности разбираться в этих вопросах лежит доверие, основанное на вере индивидов в совпадение системы ценностей рядовых граждан и политической элиты [3]. Подобная установка содержит в себе значительную долю иррациональности, неопределенности, риска и надежды, что политические институты и/или политики, политическая элита будут действовать исходя прежде всего из интересов страны и граждан.

Персонификация образа власти традиционно связана с доверием к харизматическим фигурам, олицетворяющим собой конкретные политические институты высокого ранга [4]. Четко сформулированный в свое время Н.А. Бердяевым тезис о том, что «русский народ – народ государственный» [5. С. 13], который часто используют для обоснования лояльности политической власти, в современных условиях, особенно если речь идет о молодежи, неизбежно ставится под сомнение. Аналогична ситуация и с жесткой связью состояния экономики и политической лояльности [6] (принципы «политическая лояльность в обмен на экономическое благополучие» или «политическая лояльность вопреки падению материального уровня жизни»); в отношении миллениалов они работают далеко не всегда.

В рамках эмпирических исследовательских проектов политическую лояльность целесообразно оценивать по таким показателям, как: признание права определенной политической группы на власть (политическая легитимность), уровень доверия различным созданным властью институтам и действующим политикам, уровень проявления (демонстративности) лояльности, осознание лояльности самими гражданами, готовность граждан поддерживать проекты власти. На наш взгляд, достаточно точными, минимально необходимыми индикаторами степени политической лояльности/нелояльности являются показатели доверия социальным и политическим институтам, а также спектр потенциальных и реальных политических практик социальных групп.

Политическая активность граждан – значимая характеристика политического поведения [7], фиксирующая многообразие форм политических действий, их интенсивность и периодичность. Эта тема неизменно остается в зоне внимания политологов, политических социологов и политических психологов [8] на протяжении десятилетий, находя свое отражение в публикации результатов эмпирических исследований по данной теме [9], диссертациях [10], научных статьях, посвященных теме трансформации в условиях цифровизации политики и политического управления политического поведения различных социальных групп [11] и населения страны в целом [12]. Одним из приоритетных направлений в исследовании политического поведения молодежи в настоящее время остаются проблемы, связанные с тотальной интернетизацией коммуникации людей [13].

Молодежь играет все большую роль в общественно-политических процессах. Изучение многообразия форм политического поведения российской молодежи [14], ее отношения к социальным и политическим институтам

может предоставить дополнительные возможности для более точного прогнозирования рисков роста политической напряженности в стране.

В статье представлены некоторые результаты проведенного в апреле–мае 2019 г. учеными Санкт-Петербургского государственного университета и Алтайского государственного университета эмпирического исследования политического сознания российской молодежи. Исследование проводилось в следующих регионах, отобранных по принципу максимального отличия: в Алтайском крае, Новосибирской области, Ленинградской области, Санкт-Петербурге.

Метод сбора информации – личное полустандартизованное интервью. Объем выборки – 1000 человек в возрасте от 14 до 30 лет; выборка квотная с контролем несвязанных признаков пола, возраста, образования, типа населенного пункта и региона проживания (по 250 человек в каждом из 4 регионов для обеспечения сравнимости данных). Пропорции контролируемых признаков в подвыборках строго соответствуют данным генеральной совокупности по регионам, согласно данным Росстата.

Среди опрошенных респондентов в целом по выборке мужчины составили 47,6%, женщины – 52,4%. Респонденты в возрасте 14–17 лет составили 17,6% от числа опрошенных, 18–21-летние – 25,0%, респонденты в возрасте от 22 до 25 лет – 26,6%, в возрасте от 26 до 30 лет – 30,8%.

Обладатели начального и неполного среднего образования составили 11,4%, среднего полного (средняя школа) – 19,7%, начального профессионального (профессиональное училище, лицей) – 2,4%, среднего профессионального (техникум, колледж) – 25,5%, неполного высшего (3 курса вуза) – 11,7%, высшего – 29,3%.

Ученики старших классов школы в выборке составили 14,5%, студенты колледжа (техникума, училища) – 11,2%, студенты вуза – 20,0%; учатся и работают официально 17,0%, трудоустроены и при этом не учатся 27,0%, работают неофициально и не учатся 7,4%, вариант «другое» (находятся в декретном или послеродовом отпуске) выбрали 2,9%.

7,1% респондентов оценили ежемесячный доход своей семьи на каждого члена семьи равным не более 10000 рублей, 14,8% – в диапазоне от 10001 до 15000 рублей, 20,0% – в диапазоне от 15001 до 25000 рублей, 21,9% – в диапазоне от 25001 до 40000 рублей, 16,7% – свыше 40000 рублей. 19,5% респондентов не смогли точно определить размер ежемесячного дохода на каждого члена своей семьи.

Среди респондентов жители областных центров, мегаполисов составили 47,6%, средних и маленьких городов – 26,6%, поселков городского типа – 9,4%, сельских поселений, сел, деревень – 16,4%.

Обработка данных проводилась в статистическом пакете SPSS. Использовались такие методы, как простая и комбинированная группировка данных, расчет статистики хи-квадрат с оценкой стандартизованных остатков, корреляционный, кластерный и факторный виды анализа.

Формы политического участия молодежи в целях защиты своих интересов

Многообразие форм политического поведения и политической активности определяется перманентным развитием института государства и политической системы в целом, оно задается в том числе и особенностями политических традиций и политического режима. К традиционным формам политического поведения относится уже не только участие в голосовании, политических кампаниях, взаимодействие с органами государственной власти, местным самоуправлением, политическими организациями, личные контакты с политиками, участие в конвенциональных и неконвенциональных акциях и т. д., но и политическая онлайн-активность, связанная в том числе и с возможностью политической мобилизации оффлайн. Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что определенная часть граждан (и молодежь в этом смысле не исключение) считает возможным использовать не только неполитические способы защиты своих прав и интересов, но и формы, отрицательно оцениваемые с точки зрения этических норм («блат», система знакомств) или переходящие грань законности («вознаграждения»). Если рост числа участников протестных форм свидетельствует о политической напряженности и нелояльности населения к политическому курсу и властвующей элите, то даже относительно невысокий показатель числа людей, допускающих неэтичные и иллегальные способы решения своих проблем, прямо свидетельствует о дисфункции всей системы политического управления.

Таблица 1

Формы политических действий молодежи в последние 2–3 года (%)

Участвовал в выборах	38,3
Обсуждал политику в социальных сетях, делал репосты политической информации	22,1
Обращался в органы власти	17,7
Участвовал в работе общественных организаций	11,7
Обращался в общественные организации	6,7
Участвовал в санкционированных забастовках, митингах, демонстрациях	6,7
Участвовал в работе политических партий	4,8
Участвовал в несанкционированных акциях протеста	3,2
Материально поддерживал политиков, их проекты	2,0
Другое	1,0

Источник: составлено авторами.

Table 1

Political actions of youth for the last 2–3 years (%)

Participation in the elections	38,3
Discussion of politics in social networks, reposts of political information	22,1
Appeal to authorities	17,7
Participation in the work of public organizations	11,7
Appeal to public organizations	6,7
Participation in authorized strikes, rallies, demonstrations	6,7
Participation in the work of political parties	4,8
Participation in illegitimate protests	3,2
Material support for politicians and their projects	2,0
Other	1,0

Source: compiled by the authors.

Участие в выборах – наиболее распространенная форма политического поведения, но едва чуть более трети молодежи (38,3%) использует этот ресурс для того, чтобы выразить свои политические предпочтения. Лишь 22,1% участвуют в политической коммуникации онлайн (и это при том, что молодежь проводит в онлайн-пространстве практически все время бодрствования). Имеют опыт обращения в органы власти менее 18%, участвовали в работе общественных организаций 11,7% молодых респондентов. Показатели участия во всех иных формах политической активности не превышают 7% (табл. 1).

Результаты группировки данных позволяют выделить четыре группы молодежи, различающиеся по степени политической активности (табл. 2). 34,6% молодежи вообще не задействованы ни в одной форме политической активности. Как низкую можно оценить включенность в политическую деятельность у 55,5% молодых респондентов, как среднюю – у 7,8%, высокую – у 2,1%. Политическая активность лишь каждого десятого может быть оценена как средняя или высокая. Налицо достаточно низкий показатель числа тех, кто активно участвует в политической жизни российского государства.

Таблица 2

Политическая активность молодежи, % (по вертикали)

Количество форм политического поведения	Процент респондентов, участвовавших в последние 2–3 года в различном числе видов политических действий	Уровень политической активности	Процент респондентов с различным уровнем политической активности
0	34,6	Отсутствует	34,6
1	35,5	Низкий	55,5
2	20,0		
3	5,4	Средний	7,8
4	2,4		
5	1,5		
6	0,3	Высокий	2,1
7	0,1		
8	0,2		
9	0,0		
Всего	100,0	Всего	100,0

Источник: составлено авторами.

Table 2

Political activity of youth, %

The number of forms of political behavior	Percentage of respondents who participated in a different number of types of political actions in the last 2–3 years	Level of political activity	Percentage of respondents with different levels of political activity
0	34,6	Absent	34,6
1	35,5	Low	55,5
2	20,0		
3	5,4	Middle	7,8
4	2,4		
5	1,5		
6	0,3	High	2,1
7	0,1		
8	0,2		
9	0,0		
Total	100,0	Total	100,0

Source: compiled by the authors.

Достаточно низкие показатели политической активности молодежи могут свидетельствовать не только о нереализованном политическом потенциале этой группы или аполитичности ее сознания, но и об отсутствии в государстве реальных механизмов поддержки включенности молодежи в политику.

Для построения факторов, определяющих формы политического участия и иных способов защиты своих интересов, был выбран набор признаков, фиксирующих готовность и наличие опыта у молодежи обращаться в государственные органы, общественные организации, оказать материальную поддержку политикам, их проектам, участвовать в забастовках, митингах, демонстрациях, в том числе в несанкционированных акциях протеста, в работе политических партий и общественных организаций, вести обсуждение в социальных сетях, репосты политической информации. Кроме того, учитывалась готовность молодежи использовать личные связи и вознаграждение для решения своих задач и признание респондентов в том, что они уже прибегали к подобным средствам.

В табл. 3 представлена матрица факторных компонент после вращения, полученная на основе вышеназванных признаков. Полученные семь факторов можем интерпретировать следующим образом.

Фактор 1 – «Потенциальная гражданская активность», включает признаки, связанные с готовностью непосредственного участия респондентов в общественных организациях и политических партий для защиты своих интересов, а также готовность оказать материальную поддержку политикам, их проектам для защиты своих интересов; важно отметить, что непосредственное наличие опыта использования этих видов политической деятельности в этом факторе нет, что говорит о высоких показателях нереализованности политической активности молодежи, особенно в традиционных формах.

Фактор 2 – «Готовность и участие в протестной политической деятельности», включает признаки, связанные с готовностью и участием в последние 2–3 года в несанкционированных акциях протеста, забастовках, митингах, демонстрациях.

Фактор 3 – «Институционализированное взаимодействие с гражданским обществом», включает признаки, фиксирующие наличие у респондентов опыта работать в общественных организациях и политических партиях, а также оказания материальной поддержки политикам и их проектам (понятно, что в большинстве случаев речь идет о материальной поддержке несистемной оппозиции).

Фактор 4 – «Потенциальная готовность и опыт использования «теневых» средств защиты своих интересов», включает признаки, связанные с применением личных связей и вознаграждения в последние 2–3 года.

Фактор 5 – «Институциональные патерналистские установки», включает признаки, связанные с готовностью обращения и наличием опыта обращения молодежи в последние 2–3 года в государственные органы и общественные организации для защиты своих интересов.

Фактор 6 – «Политическая коммуникация в онлайн-пространстве», включает признаки, связанные с готовностью и участием за последние 2–3 года в обсуждении политики в социальных сетях, репостах политической информации;

Фактор 7 – «Электоральная активность», включает признаки, связанные с готовностью и участием молодежи в выборах в последние 2–3 года.

Таблица 3

Факторы политического участия молодежи для защиты своих интересов

Факторы	Компонент						
	1	2	3	4	5	6	7
Готов участвовать в работе общественных организаций для защиты своих интересов	0,700						
Готов участвовать в работе политических партий для защиты своих интересов	0,663						
Готов оказать материальную поддержку политикам, их проектам для защиты своих интересов	0,533			0,415			
Готов участвовать в несанкционированных акциях протеста для защиты своих интересов		0,696					
Готов участвовать в забастовках, митингах, демонстрациях для защиты своих интересов		0,662					
Участвовал в забастовках, митингах, демонстрациях		0,649	0,312				
Участвовал в несанкционированных акциях протеста		0,590					
Участвовал в работе общественных организаций			0,664				
Обращался в общественные организации			0,573		0,418		
Участвовал в работе политических партий			0,530				0,323
Материально поддерживал политиков, их проекты			0,471				
Использовал личные связи и вознаграждения				0,769			
Готов использовать личные связи и вознаграждение для защиты своих интересов				0,748			
Обращался в государственные органы					0,694		
Готов обращаться в государственные органы для защиты своих интересов					0,640		
Готов обращаться в общественные организации для защиты своих интересов	0,408				0,537		
Обсуждал политику в социальных сетях, делал репосты политической информации						0,834	
Готов вести обсуждение в социальных сетях, репосты политической информации для защиты своих интересов						0,771	
Участвовал в выборах							0,815
Готов участвовать в выборах для защиты своих интересов	0,428						0,603

Источник: составлено авторами.

Table 3

Factors of political participation of youth to protect their interests

Factors	Component						
	1	2	3	4	5	6	7
I am ready to participate in the work of public organizations to protect my interests	0,700						
I am ready to participate in the work of political parties to protect my interests	0,663						
I am ready to provide material support to politicians, their projects to protect my interests	0,533			0,415			

Table 3 (cont.)

Factors	Component						
	1	2	3	4	5	6	7
I am ready to participate in unauthorized protests to protect my interests		0,696					
I am ready to participate in strikes, rallies, demonstrations to protect my interests		0,662					
I participated in strikes, rallies, demonstrations		0,649	0,312				
I participated in unauthorized protests		0,590					
I participated in the work of public organizations			0,664				
I contacted public organizations			0,573		0,418		
I participated in the work of political parties			0,530				0,323
I financially supported politicians, their projects			0,471				
I used personal connections and rewards				0,769			
I am ready to use personal connections and rewards to protect my interests				0,748			
I contacted to state authorities					0,694		
I am ready to apply to state authorities to protect my interests					0,640		
I am ready to apply to public organizations to protect my interests	0,408				0,537		
I discussed politics on social networks, reposted political information						0,834	
I am ready to conduct discussion on social networks, reposts of political information to protect my interests						0,771	
I participated in the elections							0,815
I am ready to run in elections to protect my interests	0,428						0,603

Source: compiled by the authors.

С целью решения задачи определения групп респондентов, существенно отличающихся по типу политической активности, был выполнен кластерный анализ методом К-средних на основе использования значений факторных нагрузок полученных компонент (результат представлен в табл. 4). Количественное распределение респондентов по кластерам представлено в табл. 5.

Таблица 4

Сегментация респондентов по критерию предпочтительности видов деятельности молодежи для защиты своих интересов

Факторы	Кластер							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Потенциальная гражданская активность	-0,24022	-0,13158	2,37077	-0,33326	-0,18746	-0,01265	0,68840	-0,49307
Готовность и участие в протестной политической деятельности	-0,30215	-0,31555	0,02112	2,47688	-0,17938	-0,21757	1,50471	-0,35542
Институционализированное взаимодействие с гражданским обществом	-0,01283	-0,24497	-0,31620	-0,47044	0,20378	-0,20169	3,48956	0,04472
Потенциальная готовность и опыт использования «теневых» средств защиты своих интересов	-0,24691	-0,31652	0,50051	-0,13075	-0,30129	-0,31205	0,52970	2,44067
Институциональные патерналистские установки	-0,66418	-0,09922	0,03874	-0,10361	1,45055	-0,01613	-0,34097	0,07336
Политическая коммуникация в онлайн-пространстве	-0,28488	-0,52135	-0,30339	0,06344	-0,32620	1,72197	0,12070	0,32190
Электоральная активность	-0,72885	1,05164	-0,23263	-0,19177	-0,59559	0,28709	0,79747	0,04460

Источник: составлено авторами.

Table 4

Segmentation of respondents by the criterion of preference for youth activities to protect their interests

Factors	Cluster							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Potential civic engagement	-0,24022	-0,13158	2,37077	-0,33326	-0,18746	-0,01265	0,68840	-0,49307
Willingness and participation in political protest	-0,30215	-0,31555	0,02112	2,47688	-0,17938	-0,21757	1,50471	-0,35542
Institutionalized engagement with civil society	-0,01283	-0,24497	-0,31620	-0,47044	0,20378	-0,20169	3,48956	0,04472
Potential willingness and experience of using "shadow" means of protecting one's interests	-0,24691	-0,31652	0,50051	-0,13075	-0,30129	-0,31205	0,52970	2,44067
Institutional paternalistic attitudes	-0,66418	-0,09922	0,03874	-0,10361	1,45055	-0,01613	-0,34097	0,07336
Online political communication	-0,28488	-0,52135	-0,30339	0,06344	-0,32620	1,72197	0,12070	0,32190
Electoral activity	-0,72885	1,05164	-0,23263	-0,19177	-0,59559	0,28709	0,79747	0,04460

Source: compiled by the authors.

В табл. 4 представлена оценка кластерных центров в виде средних значений факторов, которые варьируются ориентировочно в пределах от –3 до +3. Поскольку изначальная кодировка ответов по переменным, включенных в факторный анализ, имеет биномиальную структуру, большое положительное значение фактора в соответствующем кластере означает максимальную степень его проявления, а большое отрицательное значение фактора подразумевает низкую степень его проявления.

На основе этих данных были выявлены восемь кластеров (групп молодежи), которые можно охарактеризовать следующим образом (табл. 5):

кластер 1 – индифферентные, отчужденные от политики люди (25,8%);

кластер 2 – группа с доминированием электорального участия, что соответствует «приходской» политической субкультуре (22,5%);

кластер 3 – пассивная в политическом отношении молодежь с высокими показателями декларирующейся потенциальной активности в политической и общественной жизни (6,7%);

кластер 4 – участники политического протеста (7,3%);

кластер 5 – молодежь с патерналистскими политическими установками, ориентирующаяся на позицию «просителей» в отношении органов власти и иных институтов, оказывающих влияние на положение группы (14,2%);

кластер 6 – активисты политической онлайн-коммуникации (13,1%);

кластер 7 – политизированные участники работы институтов гражданского общества (3,1%);

кластер 8 – использующие «блат» и коррупционные практики для защиты своих интересов (7,3%).

Таблица 5

Число наблюдений в кластерах

		Величина групп в абсолютных частотах	Величина групп в %
Кластер	1	258	25,8
	2	225	22,5
	3	67	6,7
	4	73	7,3
	5	142	14,2
	6	131	13,1
	7	31	3,1
	8	73	7,3
Валидные значения		1000	100
Пропущенные значения		0	0

Источник: составлено авторами.

Table 5

The number of respondents in clusters

		The size of the groups in absolute frequencies	The size of the groups in %
Cluster	1	258	25,8
	2	225	22,5
	3	67	6,7
	4	73	7,3
	5	142	14,2
	6	131	13,1
	7	31	3,1
	8	73	7,3
Valid Values		1000	100
Missing Values		0	0

Source: compiled by the authors.

Полученная в результате кластеризации факторов, которые сегментируют выборочную совокупность по типам политического участия молодежи для защиты своих интересов, и сохраненная переменная используется в качестве самостоятельной переменной для построения таблиц сопряженности с признаками социально-демографического характера (табл. 6).

Таблица 6

Сопряженность признаков «Кластеры типов политического участия» и «Социально-демографические характеристики респондентов»

Переменные и их значения	Показатели	Политическое участие не выражено	Электоральное участие
Уровень образования			
Начальное, неполное среднее	абсолютная частота	51	7
	проценты	5,1%	0,7%
	стандартизованный остаток	+4,0	-3,7
Высшее	абсолютная частота	58	81
	проценты	5,8%	8,1%
	стандартизованный остаток	-2,0	+1,9
Род занятий			
Ученик школы	абсолютная частота	58	13
	проценты	5,8%	1,3%
	Стандартизованный остаток	+3,4	-3,4
Студент вуза	абсолютная частота	40	57
	проценты	4,0%	5,7%

Окончание табл. 6

Переменные и их значения	Показатели	Политическое участие не выражено	Электоральное участие
	стандартизованный остаток	-1,7	+1,6
Работаю с трудовой книжкой, не учусь	абсолютная частота	52	79
	проценты	5,2%	7,9%
	стандартизованный остаток	-2,1	+2,3
Возраст			
14–17	абсолютная частота	74	18
	проценты	7,4%	1,8%
	стандартизованный остаток	+4,2	-3,4
18–21	абсолютная частота	70	43
	проценты	7,0%	4,3%
	стандартизованный остаток	0,7	-1,8
22–25	абсолютная частота	57	70
	проценты	5,7%	7,0%
	стандартизованный остаток	-1,4	+1,3
26–30	абсолютная частота	57	94
	проценты	5,7%	9,4%
	стандартизованный остаток	-2,5	+3,0

Источник: составлено авторами.

Table 6

The conjugation of the signs “Clusters of types of political participation” and “Socio-demographic characteristics of respondents”

Variables and their meanings	Indicators	Not expressed political participation	Electoral participation
The level of education			
Primary and lower secondary education	frequency	51	7
	percent	5,1%	0,7%
	st. resudance	+4,0	-3,7
Higher education	frequency	58	81
	percent	5,8%	8,1%
	st. resudance	-2,0	+1,9
Occupation			
School student	frequency	58	13
	percent	5,8%	1,3%
	st. resudance	+3,4	-3,4
University student	frequency	40	57
	percent	4,0%	5,7%
	st. resudance	-1,7	+1,6
I work officially, I do not study	frequency	52	79
	percent	5,2%	7,9%
	st. resudance	-2,1	+2,3
Age			
14–17	frequency	74	18
	percent	7,4%	1,8%
	st. resudance	+4,2	-3,4

Table 6 (cont.)

Variables and their meanings	Indicators	Not expressed political participation	Electoral participation
18–21	frequency	70	43
	percent	7,0%	4,3%
	st. resudance	0,7	-1,8
22–25	frequency	57	70
	percent	5,7%	7,0%
	st. resudance	-1,4	+1,3
26–30	frequency	57	94
	percent	5,7%	9,4%
	st. resudance	-2,5	+3,0

Source: compiled by the authors.

При построении таблицы сопряженности между переменной, отражающей принадлежность к конкретному кластеру, и переменными с социально-демографическими характеристиками респондентов (табл. 6) выяснилось, что только два кластера – «Политическое участие не выражено» и «Электоральное участие» – имеют статистически подтвержденные зависимости с ними.

Молодежь, склонная вообще игнорировать участие в политической жизни страны, обладает достаточно низким образованием (для нее более характерно наличие начального и неполного среднего образования (5,1% от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке 4,0), чем высшего (5,8% от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке -2,0). В данном кластере больше учеников школ (5,8% от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке 3,4), чем работающих с трудовой книжкой и неучащихся молодых людей (5,2% от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке -2,1). По возрастным когортам кластер в основном представлен группой 14–17 лет (7,4% от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке +4,2); для него нетипично представительство возрастной группы 26–30 лет (5,7% от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке -2,5).

Для кластера, включающего респондентов, наиболее активно участвующих в выборах, характерно наличие высшего образования (8,1% от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке +1,9); по роду занятий это преимущественно студенты вузов (5,7% от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке +1,6) и неучащаяся молодежь, работающая с трудовой книжкой (7,9% от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке +2,3). По возрастным когортам кластер представлен в основном группой 26–30 лет (9,4% от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке +3,0).

Необходимо специально подчеркнуть, что данная возрастная группа (26–30 лет) также представляет кластер активистов с патерналистским типом мышления, которые предпочитают для защиты своих интересов обращаться в органы государственной власти и общественные организации, делегируя им свои политические права (5,6% от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке +1,9).

Доверие социальным и политическим институтам

Предварительный расчет одномерного распределения частот доверия социальным и политическим институтам (табл. 7) показал, что за исключением главы правительства Д.А. Медведева и Русской православной церкви по отношению ко всем остальным институтам респонденты демонстрируют двойственное отношение: модальное значение распределения пришлось на вариант ответа «в чем-то доверяю, в чем-то не доверяю». Налицо если не кризис доверия социальным и политическим институтам со стороны молодежи, то как минимум раскол в оценках.

Таблица 7

Доверие российской молодежи социальным и политическим институтам, % (по строке)

Социальные и политические институты	Доверяю абсолютно	Скорее доверяю	В чем-то доверяю, в чем-то нет	Скорее не доверяю	Не доверяю абсолютно	Затрудняюсь ответить	Всего
Благотворительные организации	12,7	28,8	33,7	13,6	6,8	4,4	100,0
Волонтерское движение	22,8	39,4	23,2	5,8	4,8	4,0	100,0
Молодежные политические организации	7,5	22,1	30,2	15,7	8,4	16,1	100,0
Местная администрация, муниципальный совет	5,3	16,1	35,1	21,2	13,2	9,1	100,0
Законодательное собрание региона	5,5	15,9	32,3	20,6	11,5	14,2	100,0
Губернатор	6,9	18,1	30,6	19,8	14,5	10,1	100,0
Государственная Дума	6,1	16,7	28,9	20,6	19,4	8,3	100,0
Совет Федерации	7,5	17,3	29,0	19,1	17,7	9,4	100,0
Правительство Российской Федерации	8,1	17,7	29,3	18,2	18,9	7,8	100,0
Премьер-министр Д.А. Медведев	6,4	14,7	25,1	18,1	28,0	7,7	100,0
Президент России В.В. Путин	17,4	19,3	24,5	12,5	19,3	7,0	100,0
Полиция	8,0	19,2	33,0	17,6	17,2	5,0	100,0
Армия	15,7	24,7	28,8	12,8	11,6	6,4	100,0
ФСБ	17,8	25,2	25,5	11,6	12,8	7,1	100,0
Русская православная церковь	10,5	13,9	20,5	14,3	31,2	9,6	100,0

Источник: составлено авторами.

Table 7

Confidence in Russian youth to social and political institutions, % (per line)

Social and political institutions	I trust absolutely	I rather trust	Trust in some thing, I do not trust in something	I rather do not trust	I do not trust absolutely	I find it difficult to answer	Total
Charity Organizations	12,7	28,8	33,7	13,6	6,8	4,4	100,0
Volunteer Movement	22,8	39,4	23,2	5,8	4,8	4,0	100,0
Youth Political Organizations	7,5	22,1	30,2	15,7	8,4	16,1	100,0

Table 7 (cont.)

Social and political institutions	I trust absolutely	I rather trust	Trust in some thing, I do not trust in something	I rather do not trust	I do not trust absolutely	I find it difficult to answer	Total
Local Administration, Municipal Council	5,3	16,1	35,1	21,2	13,2	9,1	100,0
Regional Parliament	5,5	15,9	32,3	20,6	11,5	14,2	100,0
Governor	6,9	18,1	30,6	19,8	14,5	10,1	100,0
The State Duma	6,1	16,7	28,9	20,6	19,4	8,3	100,0
Council of the Federation	7,5	17,3	29,0	19,1	17,7	9,4	100,0
Government of the Russian Federation	8,1	17,7	29,3	18,2	18,9	7,8	100,0
Prime Minister D.A. Medvedev	6,4	14,7	25,1	18,1	28,0	7,7	100,0
President of Russia V.V. Putin	17,4	19,3	24,5	12,5	19,3	7,0	100,0
Police	8,0	19,2	33,0	17,6	17,2	5,0	100,0
Army	15,7	24,7	28,8	12,8	11,6	6,4	100,0
Federal Security Service	17,8	25,2	25,5	11,6	12,8	7,1	100,0
Russian Orthodox Church	10,5	13,9	20,5	14,3	31,2	9,6	100,0

Source: compiled by the authors.

На рис. 1 представлены результаты кластерного анализа, где по показателям сходства/различия оценок доверия распределены переменные, отображающие государственные и общественные институты по степени доверия к ним со стороны молодежи.

Кластерный анализ сходства самооценки доверия социальным и политическим институтам у молодежи показал наличие пяти групп институтов: к первой группе относятся властные институты федерального уровня: Государственная Дума, Совет Федерации, правительство России, премьер-министр Д.А. Медведев и президент В.В. Путин; ко второй группе – законодательные и исполнительные институты региональной власти и органы местного самоуправления; в третью группу попали «силовые» институты; в четвертую группу – Русская православная церковь, к которой молодое поколение относится в целом скорее негативно (данный кластер не вошел ни в одно из кластерных объединений); наконец, в пятую – такие негосударственные институты, как благотворительные организации, волонтерские движения, молодежные политические организации. Характер оценок доверия институтов федеральной власти и общественных и политических организаций молодежи отличается максимально.

Рис. 1. Степень доверия к государственно-политическим институтам (кластерный анализ):

V38 – благотворительные организации; V39 – волонтерские движения; V40 – молодежные политические организации; V41 – местная администрация, муниципальный совет; V42 – региональный парламент; V43 – губернатор; V44 – Государственная Дума; V45 – Совет Федерации; V46 – правительство России; V47 – премьер-министр Д.А. Медведев; V48 – президент В.В. Путин; V49 – полиция; V50 – армия; V51 – ФСБ; V52 – Русская православная церковь

Fig. 1. The level of trust to state-political institutions (cluster analysis):

V38 – Charity organizations; V39 – Volunteer movement; V40 – Youth Political Organizations; V41 – Local Administration, Municipal Council; V42 – Regional parliament; V43 – Governor; V44 – The State Duma; V45 – Council of the Federation; V46 – Government of the Russian Federation; V47 – Prime Minister D. A. Medvedev; V48 – President of Russia V.V. Putin; V49 – Police; V50 – Army; V51 – Federal Security Service; V52 – Russian Orthodox Church

При сопряжении кластерной переменной, сегментирующей молодежь по типам политической активности, и переменных «Доверие к политическим и социальным институтам» в табл. 8 представлен ряд статистических зависимостей.

Таблица 8

Сопряженность признаков «Кластеры типов политического участия» и «Доверие к государственно-политическим институтам»

Переменные и значения	Показатели	Кластеры
Доверие региональному парламенту		Респонденты с патерналистским типом сознания
В чем-то доверяю, в чем-то нет	абсолютная частота	58
	проценты	5,8%
	стандартизованный остаток	+1,8
Доверие премьер-министру Д.А. Медведеву		Политические онлайн-активисты
Не доверяю абсолютно	абсолютная частота	51

Окончание табл. 8

Переменные и значения	Показатели	Кластеры
	проценты	5,1%
	стандартизованный остаток	+2,4
Доверие Русской православной церкви		Активный электорат
Не доверяю абсолютно	абсолютная частота	55
	проценты	5,5%
	стандартизованный остаток	-1,8

Источник: составлено авторами.

Table 8

The conjugation of the features “Clusters of types of political participation” and “Confidence in state-political institutions”

Variables and their meanings	Indicators	Clusters
		Respondents with a paternalistic type of consciousness
Confidence in the regional parliament	frequency	58
	percent	5,8%
	St. resudance	+1,8
Confidence in Prime Minister D.A. Medvedev	frequency	51
	percent	5,1%
	St. resudance	+2,4
Confidence in the Russian Orthodox Church	frequency	55
	percent	5,5%
	St. resudance	-1,8

Source: compiled by the authors.

В табл. 8 представлены три кластера («Опосредованное политическое участие», «Участники информационной политической активности» и «Электоральное участие»), которые продемонстрировали статистически значимые показатели связи с такими институтами, как региональный парламент, премьер-министр Д.А. Медведев и Русская православная церковь. Для кластера, включающего респондентов с патерналистским типом сознания, характерно амбивалентное отношение к региональному парламенту (5,8% от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке +1,8). Для кластера, объединяющего онлайн-активистов, характерна склонность к абсолютному недоверию к премьер-министру Д.А. Медведеву (5,1% от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке +2,4). Кластер, включающий достаточно активный электорат, показывает склонность к абсолютному недоверию в отношении Русской православной церкви (5,5% от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке -1,8).

Заключение

Для политического сознания российского гражданина в целом, и молодежь в этом смысле – не исключение, нетипична так называемая локальная лояльность, когда при негативном отношении жителей определенного реги-

она или населенного пункта к федеральным властям представители местных органов власти и политических организаций вызывают гораздо большее уважение. Наоборот, налицо вертикальная нисходящая связанность отношения молодежи к органам власти, когда уровень доверия политическим институтам и лидерам федерального уровня коррелирует с аналогичными показателями регионального уровня: чем ниже уровень власти, тем меньше доля людей, проявляющих лояльность в отношении них. Мы видим сходство уровня доверия молодежи социальным и политическим институтам в зависимости от их типа; результаты явно указывают на необходимость политического класса давать большие возможности для участия молодежи в политической работе, имеющей практическое воплощение в принятии значимых для этой группы решений.

Выявленные по типу политической деятельности группы и их размер свидетельствуют о наличии определенных рисков роста протестной гражданской активности, хотя сама по себе группа молодежи, склонной к активным протестам, невелика. Действительно тревожный выявленный показатель – то, что четверть молодежи абсолютно индифферентна к общественно-политической деятельности, а более 7% видят наиболее оптимальный способ защиты своих интересов в использовании неэтичных или незаконных технологий.

Благодарности: Текст статьи подготовлен в рамках реализации проекта «Потенциал молодежного политического лидерства в ходе политической социализации и циркуляции элит в российских регионах в 2010-е годы (на примере Юго-Западной Сибири и Северо-Запада РФ)», грант РФФИ № 18-011-01184.

Acknowledgments: The text of the article has been prepared within the framework of the project “Potential of Youth Political Leadership during Political Socialization and Circulation of Elites in the Russia Regions in the 2010th (using the example of South-Western Siberia and the North-West of the Russian Federation), RFBR grant No. 18-011-01184.

Библиографический список

- [1] *Кобелева Х.А.* Политическое доверие в аспекте культурологических и институциональных концепций // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2019. № 2. С. 65–68.
- [2] *Шатило С.А.* Лояльность как критерий в типологии политической культуры современной России (к постановке проблемы) // Философские науки. 2013. № 1. С. 48–54.
- [3] *Иудин А.А., Привалов И.В.* Соотношение оптимизма и лояльности власти: (вторичный анализ данных ВЦИОМ) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 3. С. 8–20.
- [4] *Шестов Н.И.* Мифологическое основание лояльности российских граждан идее партийности либерально-демократической политики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2018. Т. 18. № 2. С. 195–199.
- [5] *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
- [6] *Авдеева Д.А.* Доверие в России и его связь с уровнем экономического развития // Общественные науки и современность. 2019. № 3. С. 79–93.
- [7] *Головоненко Д.В.* Политическая активность молодежи в современной России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 3 (13). С. 141–143.

- [8] Макарова О.А. Современные тенденции политического участия молодежи // *Власть*. 2014. Т. 22. № 12. С. 39–42.
- [9] Леви Д.А. Интернет-мобилизуемая политическая активность и феномен цифровой дипломатии // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2015. № 4 (13). С. 96–99.
- [10] Баранова Г.В. Концептуальные основы исследования социально-политической активности в современном российском обществе: дис. ... д-ра социологических наук. Орел: Академия Федеральной службы охраны РФ, 2018. 455 с.
- [11] Мастерова Ю.А. Политическая активность российской молодежи в условиях распространения информационных технологий: дис. ... канд. полит. наук. М.: Издательство Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики», 2009. 187 с.
- [12] Балашов А.Н., Бочанов М.А. Интернет-технологии как фактор политической активности граждан: тренды и противоречия // *PolitBook*. 2017. № 2. С. 22–34.
- [13] Бродовская Е.В., Домбровская А.В., Пырма Р.В., Азаров А.А. Готовность современной российской молодежи к реализации гражданской и политической активности в цифровой среде // *Власть*. 2019. № 1. С. 91–95.
- [14] Чирун С.Н. Политическая активность и политическое участие молодежи: проблемы и возможности // *Вестник Томского государственного университета*. 2010. № 332. С. 50–54.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 15.10.2019.

Статья принята к публикации 04.11.2019.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619

Research article

Political Views of the Youth: Loyalty or Protest?

O.V. Popova, O.V. Lagutin

Saint-Petersburg State University

Universitetskaya nab., 7/9, Saint-Petersburg, Russian Federation, 199034

Abstract. The article analyzes the state of mass political consciousness of Russian youth based on the results of the study conducted in the spring of 2019 in four regions of the Russian Federation: Altai Kray, Leningrad and Novosibirsk Regions, and St. Petersburg. As a result of the analysis, the authors were able to identify several groups of young people that significantly differ in their attitudes regarding their potential political activity and the methods they actually use to realize the interests of their socio-demographic group, as well as trust in political and social institutions. Young people are differentiated into 8 groups according to the dominant type of political behavior and into 4 groups according to their level of institutional trust.

Keywords: youth, trust in social and power institutions, methods of protecting one's interests, political behavior, political loyalty, political protest.

References

- [1] Kobeleva H.A. Political Trust in the Aspect of Cultural and Institutional Concepts. *Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*. 2019; 2: 65–68 (In Russ.).
- [2] Shapiro S.A. Loyalty as a Criterion in the Typology of the Political Culture of Modern Russia (to the Formulation of the Problem). *Philosophical Sciences*. 2013; 1: 48–54 (In Russ.).

- [3] Judin A.A., Privalov I.V. Correlation of Optimism and Power Loyalty: (Secondary Analysis of VTsIOM Data). *Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic sciences*. 2018; 3: 8–20 (In Russ.).
- [4] Shestov N.I. The Mythological Basis of the Loyalty of Russian Citizens to the Idea of Partisanship of a Liberal Democratic Policy. *News of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political Science*. 2018; 18 (2): 195–199 (In Russ.).
- [5] Berdyayev N.A. *The Origins and Meaning of Russian Communism*. Moscow: Nauka; 1990. 224 p. (In Russ.).
- [6] Avdeeva D.A. Trust in Russia and Its Connection with the Level of Economic Development. *Social Sciences and the Present*. 2019; 3: 79–93 (In Russ.).
- [7] Golovonenko D.V. Political Activity of Youth in Modern Russia. *Historical and Socio-educational Thought*. 2012; 3 (13): 141–143 (In Russ.).
- [8] Makarova O.A. Current Trends in the Political Participation of Youth. *Vlast'*. 2014; 22 (12): 39–42 (In Russ.).
- [9] Levy D.A. Internet-mobilized Political Activity and the Phenomenon of Digital Diplomacy. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Management*. 2015; 4 (13): 96–99 (In Russ.).
- [10] Baranova G.V. *Conceptual Foundations of the Study of Socio-political Activity in Modern Russian Society*. The dissertation for the degree of Doctor of Sociology. Orel: Academy of the Federal Security Service of the Russian Federation; 2018. 45 p. (In Russ.).
- [11] Masterova Yu.A. *Political Activity of Russian Youth in the Context of the Spread of Information Technology*. The dissertation for the degree of candidate of political sciences. Moscow: Publishing House of the Research University Higher School of Economics; 2009. 187 p. (In Russ.).
- [12] Balashov A.N., Bochanov M.A. Internet Technologies as a Factor of Political Activity of Citizens: Trends and Contradictions. *PolitBook*. 2017; 2: 22–34 (In Russ.).
- [13] Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.V., Pyrma R.V., Azarov A.A. Readiness of Modern Russian Youth for the Implementation of Civic and Political Activity in the Digital Environment. *Vlast'*. 2019; 1: 91–95 (In Russ.).
- [14] Chirun S.N. Political Activity and Political Participation of Youth: Problems and Opportunities. *Bulletin of Tomsk State University*. 2010; 332: 50–54 (In Russ.).

Article history:

The article was submitted on 15.10.2019.

The article was accepted on 04.11.2019.

Информация об авторах:

Попова Ольга Валентиновна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (ORCID ID: 0000-0002-0701-7767) (e-mail: o.popova@spbu.ru).

Лагутин Олег Владимирович – кандидат политических наук, доцент кафедры политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (ORCID ID: 0000-0001-8746-7217) (e-mail: o.lagutin@spbu.ru).

Information about the authors:

Olga V. Popova – Doctor of Political Sciences, Full Professor, Head of the Department of Political Institutes and Applied Political Studies, Saint-Petersburg State University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-0701-7767) (e-mail: o.popova@spbu.ru).

Oleg V. Lagutin – PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Political Institutes and Applied Political Studies, Saint-Petersburg State University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0001-8746-7217) (e-mail: o.lagutin@spbu.ru).

Для цитирования:

Попова О.В., Лагутин О.В. Политические настроения молодежи: лояльность или протест? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 4. С. 599–619. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619

For citation:

Popova O.V., Lagutin O.V. Political Views of the Youth: Loyalty or Protest? RUDN Journal of Political Science. 2019; 21 (4): 599–619. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619